

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СЛОВОМ БОЖИИМ

Размышления над библейским текстом, помещенные в этом номере посвящены книге **«ПЕСНИ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА»**. Эта книга в Ветхом Завете, по мнению богословов, является такой же загадкой как «Откровение» Иоанна Богослова в Новом Завете. Как могла оказаться в каноне книга, в которой ни разу не упоминается имя Бога, на которую никто не ссылается ни в Ветхом, ни в Новом Заветах? Но тем не менее, книга, вызывающая неоднозначную реакцию среди верующих всех поколений, находится как в еврейском, так и в христианском каноне богодухновенных книг. Факт принятия книги в канон обязывает рассматривать ее как Богом данное Слово.

Начиная с Отцов Церкви и кончая католическими и протестантскими толкованиями позднейшего времени, смысл этой библейской книги составляет предмет горячих споров. Однако, вызывая разную реакцию в сердцах и умах читающих, книга Песни Песней для многих явилась источником чистого и утонченного восхищения

Обзор толкований на книгу «Песни Песней»

Книга «Песни Песней» помещена в третьей части еврейского канона, называющейся по-еврейски «кетубим», по-гречески — «агиографы», что переводится как «Святые Писания», и следует после книг Псалмов, Притчей, Иова перед книгой Руфь. В греческом, латинском, славянском, английском, русском и ряде других переводов Библии книга «Песни Песней» занимает место в списке поучительных книг или литературы мудрости после Притчей и Екклесиаста перед книгой пророка Исайи.

Строго говоря, книга «Песни Песней» не должна рассматриваться как одна из книг литературы мудрости, т.к. в ней преобладает форма любовной поэзии, а не поучений и советов. Но связь книги с именем Соломона, традиционно считающегося ее автором, и изучение ее наряду с книгами мудрости, определило ее место в этом ряду.

Недостаток исторических упоминаний в «Песни Песней» делает вопросы датировки и авторства книги затруднительными. Наличие в тексте дошедшего до нас оригинала слов, заимствованных из персидского и греческого языков, указывает на более поздний, чем времена монархии, период еврейской истории и объясняется, скорее всего, внесением их при последующих переписываниях. Этим же можно объяснить отдельные фразы и слова, отражающие влияние арамейского языка, хотя некоторые считают, что существование сообщения между Ионией и Ханааном может быть убедительным доказательством влияния арамейского языка на еврейскую литературу первых веков монархии. Связь книги с именем Соломона может означать, что он является ее автором, либо выступает как «покровитель», которому книга посвящена, либо просто как прототип жениха. Кроме традиции, в защиту авторства Соломона могут свидетельствовать отрывки, в которых отражена его историческая эпоха (напр. 1.3-4, 3.6-11). То, что его имя употребляется в третьем лице, не может служить опровержением авторства, т.к. для восточной поэзии характерно употребление автором своего

имени в такой форме. Аргументом против авторства считают сравнение возлюбленной с Фирцой, как городом, равным Иерусалиму (6.4). Известно, что Фирца, покоренная Иисусом Навином (Иис.Н.12.24), была первой столицей Северного Израильского царства. В данном статусе она просуществовала с царствования Иеровоама до войны между Замврием и Амврием, во время которой была разрушена, т.е. приблизительно с 975 по 929 г. до Р.Х. [Ньюстрем Э. Библейский энциклопедический словарь. Торонто, УРС ЕХБ, 1989., с.469]. Сам факт избрания города столицей косвенно указывает на то, что он был прекрасен и славился не менее Иерусалима, иначе как объяснить выбор, сделанный Иеровоамом. При таком взгляде допустимо относить сравнение Фирцы и Иерусалима, как процветающих городов Израиля, к эпохе Соломона. В целом надо сказать, что в самой книге не содержится убедительных аргументов ни в пользу авторства Соломона ни против него. Но даже если считать, что автором книги был не Соломон, то окружение и среда книги исходят от времен, близких к его эпохе. Книга никак не может датироваться позднее эллинистического периода, т.е. после 330 г. до Р.Х., как пытаются это доказать представители либерального богословия [W.S.La Sor. Old Testament Survey. Chs. 39,41,45].

Название книги происходит из первого стиха «Песни Песней», который отсутствует в русском переводе Библии, и выражает превосходную степень: сравни: «раб рабов» (Быт.9.25); «Святое святых» (Исх.26.33); «небеса небес» (2Пар.6.18); «суета сует» (Екк.1.2); «Царь царей» (Отк.19.16). Возможно, сам Соломон считал ее наилучшей из 1005 написанных им песен (3Цар.4.32). Это название, вполне отвечает форме и содержанию книги.

Вопрос о принятии «Песни Песней» в канон уходит своими корнями в глубокую древность. Согласно одному раннему преданию, книга была канонизирована еще до израильского правителя Ездры, который традиционно считается собирателем и составителем раннего иудейского канона. Ездра только повторно утвердил «Песнь Песней» в ее каноническом достоинстве. Ряд позднейших еврейских ученых, на основании древних свидетельств, утверждает обратное: книга была принята в канон достаточно поздно, уже после Р.Х. Гретц выделяет трехкратное утверждение канона: первый раз - при Неемии (около 400 г. до Р.Х.), второй раз — во время иудейской войны (около 65 г. по Р.Х.) и третий раз — около 90 г. по Р.Х. Канонизация агиографов началась во время второго собрания, а книги Екклесиаста и «Песни Песней» впервые были внесены в канон только во время третьего. Так или иначе, к моменту составления христианского канона «Песни Песней» была включена в еврейский канон окончательно, и из него вместе с другими каноническими книгами Ветхого Завета, была принята церковью.

Непохожая на другие книги Библии, «Песни Песней Соломона» вызывала противоречивую реакцию среди толкователей. Не существует книги Ветхого Завета, толкования которой настолько расходятся между собой.

С самого древнего времени об этой книге было высказано много разносторонних мнений. Сегодня существует множество толкований, пытающихся объяснить книгу «Песни Песней», но несмотря на претензии некоторых, утверждающих, что они разгадали загадку этой книги, по сути таинственность ее не уменьшилась.

Традиционно толкования сходятся на признании аллегорического понимания «Песни Песней», именно благодаря аллегорической интерпретации песни любви приобретают более глубокий смысл.

В поздеиудейскую эпоху в книге стали видеть символ любви Бога к «дочери Сиона», т.е. к Израилю. Иудеи усматривали в изображении отношений между супругами любовь Бога к Израилю и любовь народа к своему Богу. Идея подобного отождествления отношений между Богом и Его народом прослеживается в ряде пророчеств: *«И обручу тебя Мне навек, и обручу тебя Мне в правде и суде, в благодати и милосердии, и обручу тебя Мне в верности, и ты познаешь Господа»* (Ос.2.19-20), *«твой Творец есть супруг твой»* (Ис.54.5), *«Возвратитесь дети-отступники, говорит Господь, потому что Я сочетался с вами»* (Иер.3.14). Иудейские богословы, начиная с Акибы /2 в. по Р.Х./ усматривали в этой книге только этот мистический смысл. /Мень/ «Песни Песней» не имела общепринятого объяснения у евреев до появления толкования равви Акибы (конец I в.поР.Х.), которое представляло ее содержание победной песнью Израиля над всеми своими врагами и хвалю Иегове, возлюбившему народ Израильский больше всех народов мира. Свое полное выражение это токование нашло в Таргуме (V в.и.э.). Автор Таргума видит в «Песни Песней» всю историю Израиля, начиная от исхода из Египта и заканчивая конечным освобождением евреев через Мессию, сына Давидова. Более позднее толкование Мидраша «Песни Песней» (IX в.н.э.) в сущности не отличается от толкования Таргума. Оно охватывает всю гражданскую и религиозную жизнь еврейского народа, поскольку по Мидрашу в «Песни Песней» выражается Завет Бога с Авраамом, все ветхозаветное учение и весь священный Канон.

Согласно толкованию Саадия /Xв./, который так же основываясь на Таргуме, представляет возлюбленного «Песни Песней» как Бога, а описанные в ней обстоятельства как всю историю Израиля от выхода из Египта до времени Мессии. Свое толкование Саадия предварил следующим комментарием: «Знай брат мой, что есть различные объяснения этой книги, и это не могло быть иначе, потому что «Песни Песней» подобно замку, от которого ключ потерял; одни утверждают, что она относится к царству Израильскому, другие - к закону, третьи - ко времени плена, четвертые к Мессии». Он разделяет книгу «Песни Песней» на три части по трем грамматическим временам: стихи, стоящие в прошедшем времени, относятся к истории израильских пленений, стихи, написанные в будущем времени - к возвращению народа из пленения. В свете такого понимания книга стала читаться на всююй день Пасхи и была первой в пятисвитке (Мегилофе) иудейского канона.

Однако, наряду с традиционным еврейским подходом, в эпоху средневековья другие иудейские комментаторы видели в «Песни Песней» изображение общей взаимосвязи Творца с творением, без различия национальности. Поцелуй они трактуют символом внутреннего единства Бога с человеком, которое открывается в смерти, «когда душа человека погружается в лоно Божие». А некоторые раввинские толкователи указывали на буквальный смысл книги, пытались даже находить в ней некоторые соответствия с жизнью и нравами рыцарей. В целом для иудаизма характерен символический подход к истолкованию «Песни Песней», как тайны или святого святых, недоступного человеческой мысли.

Только начиная с XI в. герменевтические еврейские школы в Германии, Франции и Испании, оставшись верными высшему духовному значению «Песни Песней», в первую очередь рассматривают внешний вид ее аллегории и начинают разделять буквальное и таинственное понимание книги в современном смысле.

В раввинской средневековой литературе встречаются два указания и на буквальное понимание «Песни Песней», но они были случайными явлениями и не могли заслонить собою общего традиционного направления взглядов синагоги на эту книгу.

Таким образом, для синагоги «Песнь Песней» есть символическое изображение какого-то факта из истории религии, остающегося одной из таин, которые окружают Священное Писание и делают его, по выражению равви Акибы, недоступным святым святых для человеческой мысли.

Возвышенный взгляд синагоги на книгу «Песни Песней» был принят и христианской Церковью. Иначе и не могло произойти, потому что абсолютно свободное и независимое от иудейских толкований понимание такой книги, было просто невозможным. Если иудеи видели в женихе Моисея, царя Езекию или других лиц, в которых они подраумевали мессиянское достоинство, то христиане распознали в нем Иисуса Христа, Который, возможно, имея в виду современные Ему объяснения «Песни Песней», Сам назвал Себя Женихом (Мф.9.14-15).

Первым учителем Церкви, перенесшим толкования «Песни Песней» синагоги на христианскую почву, был Ориген (II-III вв.), который написал на нее 10 книг

толкований. Они дошли до нас, к сожалению, только в двух беседах, которые сохранились в переводе Иеронима. В предисловии к переводу Иероним пишет: «Тогда как в толковании прочих книг Писания Ориген превзошел всех, в изъяснении книги Песни Песней он превзошел самого себя» [Иероним. Перевод двух бесед Оригена на Книгу Песни Песней. В кн.: Иероним. Творения. Изд. 2-е, Киев, 1905, ч. 6, с. 136-174.]. Ориген расширил толкования Таргума и привел их в соответствие с христианскими воззрениями. Все дальнейшие христианские толкования «Песни Песней» являются только различными интерпретациями толкований Оригена, по которому жених «Песни Песней» — это Христос, а невеста — Церковь или в более узком понимании в ней отражено отношение Бога или божественной любви к отдельной человеческой душе. По форме литературного изложения Ориген видел в «Песни Песней» драму с четырьмя родами лиц: 1 — жених, под которым следует разуметь Христа, 2 — невеста — Церковь, 3 — подруги невесты — души верующих, 4 — друзья жениха — Ангелы. В своем взгляде на то, что книга «Песни Песней» написана в форме драмы, Ориген не был одинок. Кроме Александрийской школы, эта точка зрения была приведена даже в Синайском списке LXX (Септуагинты) книга была разделена на четыре акта, с указанием, кому принадлежит та или другая речь. Подобный подход был разработан также Мильтоном.

Общая возвышенная мысль толкования Оригена была принята и развита многими отцами церкви — Григорием Нисским, Кириллом Иерусалимским, Епифанием Кипрским и другими. Некоторые высказали свои особые мнения.

Афанасий Великий считает, что в «Песни Песней» показано историческое изображение воплотившегося Христа: «Все в ней — от начала и до конца — написано таинственно, с загадочным иносказанием, и смысл догматов, в ней заключающихся, содержится не в букве, но глубоко скрыт под нею... «Песни Песней» называется она потому, что следует после других песней, и что после сей песни нельзя ожидать другой песни... Все божественное Писание пророчествует о сошествии к нам Слова и явлении Его в плоти. Это составляет особый предмет воли Божией, и предвозвещение о том было преимущественным делом пророков и всего божественного Писания... Все сии пророчества суть песни, а «Песни Песней» как-бы уже не пророчествует или предсказывает, но показывает Того, о Котором другие предвозвещали, как-бы уже пришедшим и принявшим плоть человеческую» [Афанасий Великий. Христианские Чтения. 1841, ч. 4, с. 370-374.].

Из западных средневековых толкователей этого направления были Виллирам, Гонорий и особенно Бернард, аббат Клервосский и его продолжатель Гильберт. По толкованию последних, книга «Песни Песней» говорит о женихе-Христе «ищущем и руководящем» и о невесте, душе христианской «приводимой».

Восточные толкователи отдавали предпочтение догматически-таинственному объяснению «Песни Песней» на основании отношений между Христом и Церковью. Чисто догматическое толкование развито у Афанасия Александрийского, Епифания и Кирилла Иерусалимского. «Песнь Песней» для них есть высшее из всех Ветхозаветных пророчеств о Мессии, Иисусе Назарянине. Но так как центральным пунктом Новозаветной христологии служит учение о страждущем Мессии, то некоторые Отцы Церкви толкователи «Песни Песней», как аллегорическое описание страданий Иисуса Христа.

Блаженный Августин, Кокцей, Лютер и другие христианские экзегеты «Песни Песней» не подражали Оригену, а приспособляли классическое объяснение Таргума к христианским воззрениям. Августин в своих взглядах на книгу не пошел дальше иудаизма. Он тоже видел в ней аллегорическое изображение еврейской истории. По Лютеру, невеста Песни Песней олицетворяет еврейское общество, а ее внешний вид изображает цветущее состояние общества при Соломоне, когда была написана эта книга. [Олесницкий А. А. Книга Песни Песней и ее новейшие критики. Киев, 1882.] Целью же ее написания было прославление Иеговы, как виновника народного благоденствия. Вообще же принятым в реформаторской Церкви толкованием «Песни Песней» было толкование Таргума.

Совершенно независимым от преданий синагоги христианским аллегорическим толкованием «Песни Песней» нужно считать толкование Амвросия Медиоланского, по мнению которого Суламита «Песни Песней» есть аллегорический образ Богоматери. Бернард рассматривает эту книгу исключительно как взаимоотношения Христа с девою Марией. Взгляд этот многократно выражает Католическая Церковь в своих богослужебных чинах: читая Песнь Песней на богослужениях, связанных с празд-

никами Богородице [Августин. О Граде Божьем. В кн.: Августин. Творения. Изд. 2-е, Киев, 1907, ч. 5 (Кн. 17.8, 13, 20)]

Аллегорический подход имеет место и среди поздних толкований, в которых интерпретация персонажей, как правило, соответствует либо полной, либо частичной интерпретации Оригена. Пенн-Луис пишет: «В «Песни Песней» перед нами открыта история сердца того, кто искуплен и кто стремится к познанию Господа. Под покровом того языка, который понятен только учению Вечного Духа, мы видим, как Небесный Жених сватается к душе, за которую Он умер, как Он ведет ее от одной ступени союза к другой, как Он влечет ее узами любви, чтобы она постигла в действительном опыте единство жизни с Ним» [Пенн-Луис. Сокрытые в Боге или союз с Христос и как он прослеживается в Песни Песней (рукопись)].

Стоит упомянуть еще об одном оригинальном толковании развитым А.А. Олесницким, подсказанное ему одним евреем. Остановившаяся на тех местах книги, где даны описания невесты (4.1-5; 7.1-7; 7.2-6) и сопоставляя эти места, он выделяет следующие их особенности: во-первых, анатомическую подробность в перечислении частей тела, во-вторых, при описании частей тела автор «Песни Песней» употребляет описание картин (образов) природы, которые решительно заслоняют собой чисто человеческие стороны: «*глаза твои — голубиные*» (1.14), «*Зубы твои — как стадо выстриженных овец, выходят из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними*» (4.2), «*Волосы твои, как стадо коз, сходящих с Галаада*» (6.6) и т.д. Сама возможность сравнения картин природы с человеческим телом невесты вполне объяснима, т.к. в мирозерцании людей Древнего Востока земля представлялась матерью и кормилицей всего живого, олицетворяемой женским родом. Отдельные страны в Библии нередко называются ее дочерьми: дева — дочь Сидона (Ис. 23.12), дева — дочь Вавилона (Ис. 47.1) наиболее же часто этот образ встречается применительно к Земле Обетованной: дева Израилева (Ам. 5.2), дочь Сиона (Ис. 37.22), дочь народа Моего (Иер. 14.17). В книге «Песни Песней» можно наблюдать смену времен года, зимы, весны (2.11-13), лета (4.11; 6.11) и осени (7.8-9, «образ плодovitой пальмы служит показателем богатства созревших земных плодов» [Олесницкий А.А. Книга Песни Песней и ее новейшие критики. Киев, 1882., с. 337].

В то время, как описание невесты переключается с описанием земной природы, образ жениха, соприкасаясь с ней, принадлежит высшей области: «*Голова его — чистое золото...; Руки его — золотые кругляки, усаженные топазами, живот его — как изваяние из слоновой кости, обложенное сапфирами; Голені его — мраморные столбы, поставленные на золотых подножиях*» (5.11, 14-15). Этот образ характеризует солнце, «Но как невеста есть не только Палестинская земля, но и населяющий ее еврейский народ, так и жених есть не только благодетельная для земли физическая сила — солнце, но и сила политическая — царь... В солнце и лазури, возвышающейся над землею, царь Соломон, как благодетельный гений страны, сам собою вызывает в мысли поэта образ прославленного Мессии» [Олесницкий А.А. Книга Песни Песней и ее новейшие критики. Киев, 1882.] Возможно, в этом и состоит «ключ» понимания Книги «Песни Песней», о котором говорил Саадия.

В V в. в Христианской Церкви развилось буквальное понимание «Песни Песней», согласно которому она описывает историю Ависаги (3 Цар. 1.15) и является семейной драмой царского дома или же вступление Соломона в брак с дочерью фараона (3 Цар. 3.1). По третьим буквальным толкованиям Суламита была одной из невест или наложниц Соломона. Такое буквальное толкование «Песни Песней» было запрещено Пятым вселенским Собором (553 г.) Феодор Мопсуетский толковал книгу буквально, за что уже посмертно был осужден этим собором. Вместе с соборным осуждением остановилось и дальнейшее развитие буквального понимания, которое пришло снова лишь в эпоху гуманизма, когда некоторые стали считать «Песнь Песней» просто поэмой или собранием поэм о любви. Себастиан Кастелло не только признавал «Песни Песней» за простой разговор Соломона с его любимой подругой, но и публично осмеивал церковный взгляд на эту книгу и даже домогался исключения ее из Канона. В споре с Кальвинным он выразился так: «Когда Соломон писал седьмую главу «Песни Песней» он был в ослеплении похоти и руководствовался мирской суетою, а не Святым Духом» [Лопухин А.П. Библиейская история, т. 2, СПб, 1890, с. 374-384.]. Некоторые пытались оправдать текстом «Песни Песней» свой гедонистический подход к жизни, видя в ней прославление наслаждения [W.S. La Sor. Old Testament Survey. Chs. 39, 41, 45]. Однако, как отмечает в связи с этим А. Мень, «прямой смысл здесь не исключает мистического и то что земная любовь становится

символом отношений между Богом и человеком делает ее еще прекрасней и воистину достойной того чтобы быть пережитой как таинство». /А.Мень. Как читать Библию. Брюссель, 1991, с.81/

Ряд современных исследователей находят в книге ритуальные обряды ближневосточной жизни, религиозные традиции Месопотамии, Египта или Ханаана. Т.Д.Мик думает, что гимны книги связаны со служением культу Фаммузы, вавилонского божества плодородия (Иез.8.14). Такое мнение представляется весьма сомнительным.

Среди других многочисленных толкований «Песни Песней» есть ее типическое понимание, согласно которому земная любовь Соломона служит образом высшей духовной любви и отношений человека к Богу. Представителями такого понимания были мистик Луи-де-Леон, протестантские богословы Лайфут и Буссэт. Имеется и гипотеза фрагментистов – Делке, Магнус и др. по которой «Песни Песней» являются сборником отрывочных и разновременных песен любви, которые поэтому не могли быть признаны все аллегорическими. По мнению немецкого протестантского либерального богослова эпохи Возрождения, Гердера «божественная печать, лежащая на книге Песни Песней, состоит в изображении простой патриархальной любви, какую имели Адам и Ева, когда были наги и не стыдились». Однако эта параллель не нашла у Гердера дальнейшего развития, хотя ему и слышались в «Песни Песней» два голоса, голос чистой и наивной пастушки, и голос другой женщины, пресыщенной любовью. Согласно публикуемому здесь толкованию Л. Дьячкова, эти два голоса могли принадлежать Еве-возлюбленной и Еве-невесте, т.е. одной и той же женщине, но в разные периоды ее отношений с Адамом.

Имеются также толкования «Песни Песней» как драмы, эпоса и баллады, а также гипотезы чистой и исторической аллегории.

Середину между аллегорическим и буквальным пониманием «Песни Песней» занимает толкование типическое, развитое, главным образом, Гофманом и Деличем, согласно которому изображаемая в «Песни Песней» любовь есть действительный акт из жизни Соломона, но изображение этой любви не является самоцелью, а служит образом высшей духовной любви и отношения человека к Богу. «В самом деле, одушевляющее действующих лиц, все захватывающее чувство настолько велико и божественно чисто, что никакое человеческое сердце, даже мудрейшего царя (имевшего к тому времени шестьдесят царик и восемьдесят наложниц и девиц без числа), не могло бы вместить и осуществить всю полноту этого чувства» [Лопухин А.П. Библийская история, т.2, СПб, 1890, с.374-384, с.383].

Согласно одному из типических толкований, следы которого встречаются еще среди иудейских комментаторов, Соломон и возлюбленный представляют собой два отдельных лица. «История Суламита относится к расцвету правления Соломона. Суламита — невеста пастуха на севере страны. Придворные царя приводят ее в гарем, где Соломон делает все, чтобы добиться ее любви. Но Суламита не дала ослепить себя роскошью и благосклонностью Соломона, каждый раз, когда царь добивается ее, она говорит о своем возлюбленном пастухе. Она часто впадает при этом в транс и говорит в своих видениях о своем возлюбленном» [Эби Э. Краткое введение в Библию. «Свет на Востоке», Германия, 1989, с.82-86., с.82]. Соломон олицетворяет, таким образом, власть мира сего, которая пытается привести Церковь к неверности Христу. На протяжении всей книги идет непрерывная борьба, из которой Церковь выходит победительницей. Протестантский пастор Геце, замечая волнообразность развития событий, описанных в этой книге, оправдывает в большей степени толкование евреев как характерное для их истории чередование верности и неверности народу Богу. [Библийский спутник с. 20-21 [прилож. к Библии Геце].

Немецкая рационалистическая школа, несколько перекликаясь с последним объяснением, считает, что простая деревенская девушка Суламита, схваченная слугами Соломона, вначале отказывалась от любви царя, но потом приняла ее [Mc Gree J.V. Through the Bible. Vol III, p.142-183., с.144].

Фактически, в тексте книги нет намеков на аллегорию, этим она отличается от книг пророков, которые, прибегая к иносказанию, всякий раз на это определенно указывали. Эта книга никак не может быть пророчеством вообще. Основной характеристикой любого ветхозаветного пророчества является его богоцентричность, а, как мы знаем, в «Песни Песней» имя Бога даже ни разу не употребляется. Однако, во многих местах Библии, где имеет место исторический факт, часто содержится множество духовного иносказания, и книга «Песни Песней» может быть не исключением.

Подводя итог небольшому обзору основных подходов к толкованию книги «Песни Песней», следует выделить аллегорический подход, как доминантный. «В протестантской практике до конца XIX века было типичным объясняющее проповедование, понимавшее «Песни Песней» аллегорически» [Райлердам Дж. Курт (J. Coert Rylaarsdam). Комментарии к книгам Ветхого Завета (Книга Притчей Соломоновых, Книга Екклесиаста, Книга Песни Песней Соломона). Т 7, 10, ВСБ-1991., с.168].

Однако, каждый, кто пытается объяснить эту книгу должен избегать крайностей беспочвенных и отрешенных от реального содержания книги выводов. Толкование должно быть принципом объяснения книги, не вытесняющим ее содержания, а опирающимся на него.

* * *

Ключевым словом «Песни Песней» является слово «любовь», и все толкования — от аллегорического до буквального — концентрируются вокруг него. Каждый из нас вправе выразить свое отношение к «Песни Песней», но нельзя не согласиться, что в ней показано великое чудо человеческой любви как Божьего дара. Каждый сможет найти в ней для себя смысл равно удаленный и от излишества и от аскетизма. Брак в «Песни Песней» прославляется как подарок Творца и норма человеческой жизни. Развивая эту мысль, Ориген говорит, что если о людях в супружестве Бог сказал: *«и будут два одной плотью» (Мф.19.5)*, но не одним духом, то «кто прилепляется к Богу, тот есть один дух с Ним» [Иероним. Перевод двух бесед Оригена на Книгу Песни Песней. В кн.: Иероним. Творения. Изд.2-е, Киев, 1905, ч.6, с.136-174., с.166].

Характерной особенностью любви является перенесение нашего жизненного интереса из своего «я» на предмет нашей любви. Это свойственно всякому проявлению любви, но наибольшего развития, или кульминационной точки, достигает в любви между супругами. Именно поэтому взаимоотношения Христа и Церкви рассматриваются на примере взаимоотношений мужа и жены, как наивысшей категории любви. Эти два понятия нельзя отождествлять по значимости. Любовь Христа, как источника высшей любви во Вселенной (1Ин.4.16) неизмеримо обильнее, чем любовь между супругами. Ап. Павел говорит: *«Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф.5.32)*, и человеку невозможно до конца постичь *«превосходящую разумение любовь Христову» (Еф.3.19)*. Но посредством этого сравнения, мы можем немного проникнуть в тайну близости Христа с Церковью и с нашим сердцем в том числе. *«Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас» (Ин.15.9)*; *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин.3.16)*; *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои...» (Ин.15.13-14)*.

«Любящий человек получает наслаждение от духовного общения. Это наслаждение выше всех наслаждений мира. В этом заключается блаженство, которое искупленные будут испытывать на небе. В слиянии нашей любви с Божьей любовью заключается величайшее счастье. Для счастья в любви не-

обходима взаимная любовь» [Феодосий. Слово о терпении и о любви. Златоуст. Древняя Русь X-XII вв., М.1990, с.32]. Подлинный брак без взаимной любви невозможен. Бог доказал Голгофской жертвой Свою любовь к нам. Взамен Он хочет видеть ее в Своей Церкви. Примером той любви, которую должна являть Церковь мы прослеживаем в поэтической форме на страницах книги «Песни Песней Соломона».

Читая ее, прежде мы видим красоту самой невесты: «*Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами*» (2.2), «*вся ты прекрасна, ... и пятна нет на тебе*» (4.7). Достижение такого прекрасного состояния возможно благодаря очистительной силе крови Христа: «*Если будут грехи ваши, как багряное, - как снег убелю; если будут красны как пурпур, - как волну убелю*» (Ис.1.18), «*Кровь Иисуса Христа... очищает нас от всякого греха*» (1Ин.1.7). Внимание, оказываемое Христом Церкви, требует и от нас, чтобы мы были очень внимательны друг к другу и в своей любви к людям являли сострадание и милосердие.

В любви Церкви к Богу проявляется искренность, чистота и полное подчинение Его воле: «*Влеку меня, мы побежим за тобою*» (1.3). Не возникает сомнения, что Он есть действительно Тот, и только Он один, кто спас и возлюбил нас прежде: «*нашла того, которого любит душа моя*» (3.4; 1Ин.4.19). Получив возрождение, Церковь и каждый ее член не должны останавливаться в своем духовном развитии. Мы должны познавать далее Того, в Кого уверовали и идти по Его следам. Познание полноты Христовой может достигаться только в единении с Ним: «*Я принадлежу другу моему, и ко мне обращено желание его*» (7.11). И если вначале она говорит: «*Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему*» (2.16), то далее читаем: «*Я принадлежу возлюбленному моему*» (6.3). Именно во всецелой принадлежности Христу нашего сердца происходит наивысшее единение нашего духа с Духом Святым.

О браке Сам Бог говорит: «*и будут одна плоть*» (Быт.2.24). Христос, появившийся прежде создания мира, всего видимого и невидимого (Ин.8.58), и Его Церковь составляют также одно тело (1Кор.12.27), в котором один дух (1Кор.6.17), и «*тайна сия велика*» (Еф.5.32). Внутреннее же содержание Церкви есть любовь и именно любовь является идеей всей книги.